

фантастическая
история

Книги Андрея Величко
в серии «Фантастическая История»

ИНЖЕНЕР ЕГО ВЫСОЧЕСТВА
ГЕНЕРАЛ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГАТЧИНСКИЙ КОРШУН
КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ
МИРОТВОРЕЦ
ГОСТИ НЕЗВАННЫЕ

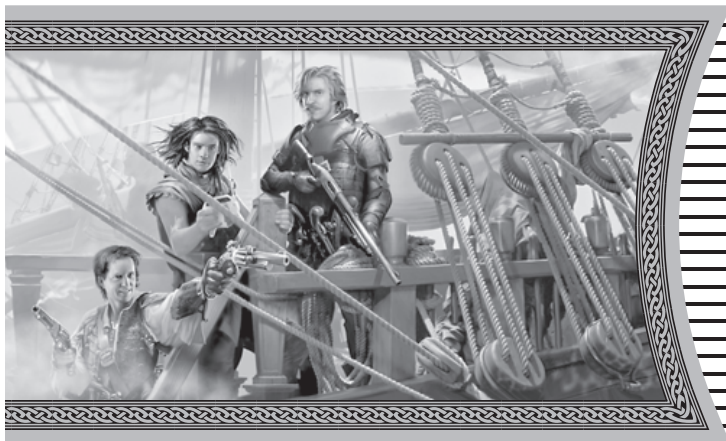

ЭМИГРАНТЫ

МОСКВА, 2011

фантастическая
история

Андрей Величко

Эмигранты

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Величко А. Ф.

В27 Эмигранты: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 311 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-0998-3

Романтика южных морей, острова в океане, аборигены, пираты, мушкетеры и конкистадоры... Как все это не похоже на серую жизнь, которую ведет молодой учитель истории! И как ему хотелось бы хоть одним глазком увидеть подобное!

Талантливый ученый, несмотря на смертельную болезнь, успел закончить главную работу своей жизни, но умирать ему все равно не хочется. Так, может, рискнуть, ведь шанс есть?

Бывший фронтовик, а ныне кое-как доживающий отпущенный ему срок пенсионер не жалеет ни о чем в прошлом и почти ничего не ждет от будущего. Хотя, конечно, ему интересно было бы повидаться с исчезнувшим двадцать лет назад другом.

А на свете, оказывается, есть место, где желания этих троих могут пересечься. Оно называется...

Но лучше не будем забегать вперед.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0998-3

© Величко А. Ф., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

ПРОЛОГ

Сэр! Посылаю вам краткое резюме доклада об объекте «Опытное хозяйство 13–27», фигурирующем у нас как «Школа медиумов».

Итак, на основании тщательной проверки, проведенной в рамках международной программы «Байкал-92», можно утверждать следующее.

С момента своего образования в 1981 году «ОХ 13–27» являлся совместным проектом КГБ и АН СССР, предназначенным для дезинформации вероятного противника. С точки зрения наших специалистов, в нем проводилась только видимость исследований. Результаты, зафиксированные в журналах экспериментов, на имеющейся аппаратуре воспроизведены быть категорически не могут. Сведений о наличии какой-либо иной аппаратуры, кроме осмотренной, не найдено.

Ориентировочно в середине 1987 года приоритеты в работе объекта изменились. Не прекращая попыток нашей дезинформации, персонал объекта явно начал заниматься тем же самым и в отношении своего руководства. Судя по всему, в целях личного обогащения. Заведующий второй лабораторией доктор физ.-мат. наук И.А. Баринов исчез 25 мая 1991 года. Якобы утонул, катаясь на лодке по Байкалу, но ни тела, ни лодки найдено не было. Прибывшая комиссия зафиксировала значительные нецелевые траты, но ее работа была прервана в августе в связи с общеизвестными обстоятельствами и больше не возобновлялась. К моменту приезда нашей

группы все научные и инженерные кадры объекта уже уволились, функционировала только охрана.

Вывод:

Дальнейший мониторинг «ОХ 13–27» предлагаю прекратить. В связи с планируемой приватизацией мною ориентирована фирма «Тенком», бывший кооператив «Дары Байкала», на приобретение аппаратуры объекта, после чего операцию «Школа медиумов» можно будет считать законченной.

ГЛАВА 1

— Иди сюда, хвостатый, ну что ты там опять изображаешь из себя старую развалину, — попенял я своему коту Ньютону. — Не стану поднимать, на стол ты прекрасно можешь запрыгнуть и сам, а у меня что-то опять радикулит разыгрался. В конце концов, день рождения сегодня не только у тебя, но и у твоего хозяина. Будешь кочевряжиться — про все блюда не гарантирую, но вот икру точно съем без остатка, ее тут немного. И лососем закушу.

Где-то с минуту кот оценивал серьезность моих намерений, а потом, укоризненно муркнув, одним махом взлетел на стол. Не так легко, как в молодости, но все же.

— Не смущайся, — пододвинул я к нему миску со сливками. Впрочем, вот уж чего-чего, а излишней деликатности в Ньютоне не наблюдалось с первых дней его долгой жизни. А сегодня ему стукнуло двадцать лет. Для кошек — весьма солидный возраст. Ну а мне — восемьдесят пять, для людей это тоже много. Очень много, я никогда и не надеялся столько прожить. Однако вот как-то получилось, сижу теперь тут с котом и праздную двойной юбилей. Впрочем, скорее всего, в последний раз. И не потому, что собираюсь в ближайшее время помереть или, упаси господь, ожидаю такой подлянки от Ньютона. Просто скоро нам с хвостатым предстоит дальний путь.

Первый шаг к нему был сделан двадцать лет назад, когда скромный пенсионер Алексей Романцев, то есть

я, сел в поезд «Россия» и поехал в Иркутск. Да, на самолете было бы быстрее, но в те далекие времена для приобретения железнодорожного билета не требовалось показывать паспорт, что имело определенное значение. Не то чтобы я ехал нелегально, но оставлять какие-либо отметки об этом вояже было нежелательно. Что я там забыл? В общем-то ничего, но меня попросил о помощи мой старый друг Илюха Баринов.

Познакомились мы с ним под Кишиневом в сентябре сорок четвертого года. Оба после школы пошли в армию и оказались в одном и том же БАО, где и служили до конца сорок седьмого года. Потом наши пути разошлись — я поступил в Горьковское военное училище техников связи, а Илья демобилизовался и вскоре стал студентом физфака МГУ.

Следующие двенадцать лет мы почти не встречались, но в шестидесятом капитан Романцев попал в «миллион двести»¹. Помню, было даже немного обидно, но не так чтобы очень. Я вернулся в Москву, к родителям, и с помощью Ильи, к тому времени ставшего физико-математическим кандидатом, устроился работать инженером в ФИАН², где и проторчал до самой пенсии.

Я пополнил собой ряды пенсионеров в приснопамятном восемьдесят пятом году. Вообще-то можно было продолжать работать, но сын сказал мне, что это следует делать только в том случае, если она работа мне безумно интересна и жизни без нее я не мыслю. Если же речь идет о разнице между пенсией и зарплатой ведущего инженера, то он готов ежемесячно выделять мне вдвое большую сумму просто так, из благодарности, что я в свое время принял участие в появлении его на свет. Если же я решу помогать ему в его многотрудных занятиях, то тут речь пойдет уже совсем о других деньгах.

Он был радиомастером в телеателье и, кроме того,

¹ «Миллион двести» — именно столько военных специалистов списал из армии Н.С. Хрущев, положившись на наш «ракетный щит».

² Физический институт Академии наук им. Лебедева.

весьма неплохо подрабатывал на левых ремонтах импортной техники.

Потом началась перестройка. От ремонтов и изготовления аппаратуры на заказ мы плавно перешли к торговле малайзийскими видеоманитофонами, затем помаленьку занялись компьютерами, так что к моменту развала Союза мой сынуля был уже весьма обеспеченным человеком. Но незадолго до этого события случился тот самый мой вояж в Иркутск, на котором надо остановиться подробнее.

В феврале девяносто первого года в Москву приехал Илья Баринов. Он с начала восьмидесятых работал в каком-то жутко секретном месте, являясь в столицу только в отпуск, да и то не каждый год.

— Леш, нужна твоя помощь, — сразу сказал он мне. — Тут такое дело... в общем, я могу рассказать более или менее подробно, но сразу предупреждаю — поверить будет непросто. Так мне рассказывать или просто сообщить, чего я от тебя хочу?

— Совсем ты там одичал в своей тайге, — попенял я ему. — Рассказывай, и, может, мне водку достать?

— Если только тебе. У меня лейкемия, и с той дрянью, которой мой организм пичкают медики, водка никак не сочетается. Да погоди ты строить сочувствующее выражение лица! Лучше налей себе чаю, раз уж в одиночку пьянствовать не хочешь, и слушай.

Не знаю, отчего Илья решил, что мне трудно будет поверить в его рассказ. Разумеется, если бы подобное сообщили по телевизору, то реакция была бы однозначной — брехня. А тут... подумаешь, изобрел человек машину времени. Почему бы и нет, если с мозгами у него все в порядке. Так что я спокойно его выслушал и спросил:

— А меня с собой почему не приглашаешь?

— Да потому что сейчас все забросы идут наобум! Вероятность успешного завершения процесса чуть мень-

ше половины. Мне все равно не протянуть больше двух лет, так что меня и десять процентов устроили бы, но рисковать твоей жизнью я не могу и не буду.

— И чем же тебе перспектива помереть через те же два года, но в прошлом, кажется более привлекательной?

— Слушай дальше. На крысах совершенно точно установлено, что перемещение туда приводит к полному оздоровлению организма. Если в прошлое забрасывалась старая крыса, то она там довольно быстро молодеет примерно до годовалого возраста, то есть самого расцвета сил. Больная, даже раком — выздоравливала. Причем одна крыса прожила там полгода и практически не постарела за это время. Обратный же переход действует наоборот, так что это в любом случае дорога в один конец.

В общем, выяснилось, что имеющаяся аппаратура умеет посылать примерно лет на триста назад, более точно выяснить не удалось. Потому как приемлемая навodka получается только при использовании центра Земли в качестве ориентира и строго на другую сторону шарика, а определить точную дату посреди океана не так просто. Поначалу бывали случаи, что перебрасываемый объект оказывался на километр выше или ниже поверхности воды, но сейчас удалось добиться приемлемой точности порядка двух метров по вертикали.

— ...И последнее, — подытожил свою речь Илья. — То, что я сейчас рассказал, хоть и носит гриф секретности, но считается мистификацией. А вот то, что объект, на котором я сейчас работаю, предназначен исключительно для дезинформации вероятного противника, — это я тебе разглашаю совершенно секретную информацию. Почти все мои сотрудники уверены, что результаты экспериментов — подтасовка, как, собственно, и задумывалось при создании объекта. Но это еще не все. Последнее время в наш центр закачиваются просто ненормально большие средства, которые потом неизвест-

но куда исчезают. И оказаться замешанным вот в это мне кажется весьма и весьма опасным. Так что, если соберешься мне помогать, подумай, как сделать это незаметно.

У меня действительно получилось, не привлекая особого внимания, привести в порядок купленную Ильей большую моторную лодку и даже кое-как подготовить ее к океанскому плаванию, для чего пришлось настелить палубу, приделать шверт и установить мачту. И утром двадцать пятого мая я остался на берегу, а лодка отчалила, удалилась от берега примерно на полкилометра и исчезла. Я осмотрелся — вокруг безлюдно, вряд ли кто-нибудь заметил только что случившееся исчезновение. Когда вызванная им небольшая волна достигла берега, я разобрал и зачехлил удочки, накинул рюкзак и пошагал в сторону Листвянки, до которой было километров пятнадцать. Оттуда ходил автобус в Иркутск.

Вернувшись в Москву, я получил отправленную в багажном вагоне стиральную машину «Рига-17» — прощальный подарок Ильи. Довольно странный подарок, если не знать, что, несмотря на заводскую упаковку, стирать этот механизм ничего не может.

Дома я вытащил его из обрешетки, открыл крышку, под которой оказался не бак, а нечто вроде пульта с четырьмя тумблерами, тремя реостатами, пятью светодиодами, кнопкой сброса и амперметром на двести ампер. Крайний светодиод горел. Порадовавшись, что друг нормально перенес путешествие в прошлое, я нажал кнопку «сброс», и по идее Баринов сможет принять посланный при этом сигнал. В следующий раз этот светодиод загорится, когда Илья достигнет суши. Ну и потом он время от времени будет активировать этот канал, означающий, что у него там все хорошо. Жалко, что таким путем нельзя организовать оперативную связь, но Илья объяснил, что для уверенного приема аппаратура

должна передавать сигнал не меньше недели, да и то в строго определенные периоды.

Но всего каналов связи было три. Сигнал по второму будет означать, что ему там удалось настроить маяк и стиральную машину можно использовать по прямому назначению, то есть для путешествия в прошлое, но при этом надо спешить, потому что маяк получился не очень устойчивым. Ну а активация третьего — это все замечательно, можно не спешить, на подготовку не меньше года. И реостаты, регулирующие размер зоны захвата, можно ставить в максимальное положение, что будет означать параллелепипед размером пятнадцать на восемь на пять метров.

С тех пор первый светодиод загорался каждый год в начале июля, но два других не подавали признаков жизни. Что же, наверное, организовать нормальную наводку оказалось не так просто, как Илья полагал поначалу.

А жизнь тем временем текла своим чередом. Вскоре после событий девяносто третьего года сын сообщил мне, что к власти в России пришли не те, на кого он ставил, поэтому отсюда надо «линять».

— Тебе, — уточнил я.

— Нет, мама тоже так считает, — возразил сын. — И что ты тут будешь делать, когда мы уедем?

— А что я буду делать там? Нет, подобный вариант даже не обсуждается. Отговаривать вас с матерью я не стану, но и сам никуда не поеду. Я, между прочим, ни на кого не ставил, так что вряд ли мне здесь будет что-либо угрожать. Мою квартиру вы, надеюсь, мне оставите?

— Пап, да мы тебе их оставим все три! — возмущился отпрыск. — Но ты точно отказываешься ехать?

Это был вопрос на всякий случай: сын хорошо меня знал и сразу понял, что мое решение окончательное. И вскоре я остался один в Москве. Правда, с деньгами от продажи двух лишних квартир, так что бедность раньше, чем в столетнем возрасте, мне не светила никоим образом. Тем более что сын собирался меня ма-

териально поддерживать, хоть я и сказал ему, что не вижу в этом особой необходимости.

Шли годы. В две тысячи четвертом я купил дом в заброшенной деревеньке на границе Тверской и Ярославской областей, нанял бригаду таджиков и привел его в пригодное для житья состояние. Внешне дом оставался почти тем же самым, но внутри он радикально преобразился. В подвале стоял мощный генератор с месячным запасом солярки и батареей из сорока камазовских аккумуляторов, ибо с электричеством в деревеньке было весьма не очень. Ну и все прочее, необходимое для комфортной жизни пожилого одинокого пенсионера, так что с шестого года я появлялся в Москве только наездами раз в год, дешево сдав квартиру троюродной внучатой племяннице жены, которая приехала в Москву учиться.

А полгода назад на стиральной машине вдруг зажегся красный светодиод, причем сразу по третьему каналу. И непрерывно горел с тех пор, подтверждая, что где-то там меня ждут. Но так как можно было не спешить, за полгода я собрал массу вещей, могущих оказаться полезными в прошлом. Ведь глупо лезть туда пустым и голым, имея зону переноса в шестьсот кубометров! Однако сборы наконец-то закончились, и завтра мы с Ньютоном собирались отправляться в далекое путешествие. Но сегодня к нам мог приехать один гость. Интересно, он действительно приедет или все-таки не рискнет отправляться черт знает куда, да еще и без особых гарантий благополучного завершения пути?

ГЛАВА 2

Около шести часов вечера, когда мы с Ньютоном уже устали поглощать всякие вкусности и праздник понемногу шел к завершению, на улице послышался шум

мотора пополам со скрипом разболтанного кузова и лязгом изношенной еще на заре перестройки подвески. Я выглянул в окно. Так и есть, приехал Серега на своем фургоне-автолавке. Район по какой-то программе якобы доплачивал ему за рейсы в деревни наподобие той, где я поселился, а он якобы туда ездил каждую неделю. Но все-таки Серега был честным человеком и у нас появлялся примерно раз в месяц, причем привозил то, что было заказано.

Но сегодня, как ни считай, был не рейсовый день. Значит, Серега привез или мою покупку, или гостя ко мне, или и то и другое разом.

— Михалыч! — заорал он, заглушив мотор, но не вылезая из кабины. — Ты тут еще жив?

Правильно, чего зря лезть наружу — а вдруг я уже помер? Так что мне пришлось с некоторым трудом встать и выйти на крыльцо.

— Не дождешься, — приветствовал я его. — Привез?

— А то чего бы я сюда поперся? — вполне резонно ответил он. — Эй, парень, мы уже на месте, можно выходить!

С противоположной стороны машины хлопнула дверь, и показался Витя Маслов. Значит, все-таки решился, подумал я и, поздоровавшись, предложил ему проходить в дом. Сергей тем временем возился у задней двери своего фургона. Наконец размотал проволоку, которая там была вместо замка, распахнул створку и начал прилаживать три доски из кузова на землю. Обернувшись ко мне, он с видимым беспокойством осведомился:

— Михалыч, ты... это самое... не передумал? А то если у тебя сейчас всех денег нет, так я могу и того... подождать.

— Да куда уж тут раздумывать, — хмыкнул я, — выкапывай свою ласточку, деньги при мне.

Серега исчез в глубине своего фургона, и вскоре по доскам скатилось тульское изделие с неудобоваримым именем «ТМЗ пять точка девятьсот семьдесят один». То

есть трехколесный грузовой мотоцикл повышенной проходимости.

— Не прогадал ты, Михалыч, — возбужденно тараторил Сергей, — хрен сейчас где такое найдешь! Эти, блин, квадроциклы стоят дороже машины, груз толком положить некуда, а если что сломается — все! А тут... состояние — лучше нового! И полный кузов запчастей, из них еще один такой можно собрать. Работает хоть на бензине, хоть на самогоне! Заводится с полтыка!

Для иллюстрации последнего постулата он лягнул кикстартер, и движок действительно затарахтел.

— А прогреется — так и вовсе с электростартера заведется! — не унимался взбудораженный продавец.

Его энтузиазм был в общем-то понятен, ибо Сергей запросил за это транспортное средство тридцать пять тысяч. По отношению к реальной стоимости сумма была завышена раза в два, если не в три, а для здешних мест она являлась и вовсе фантастической. Скорее всего, он просто собирался поторговаться, но я лишил его этого удовольствия, согласившись сразу.

— Держи деньги, — прервал я его излишняя, — и отгони свою ласточку к сараю.

— Она уже твоя, — на ходу отозвался он, — сам удивишься, сколько она тебе прослужит! А соберешься регистировать — только скажи, это я мигом организую, у меня свояк в райотделе работает.

Отделаться от Сергея удалось только минут через пять, потому как на радостях от внезапно свалившегося богатства он порывался прямо сейчас обмыть сделку. Но наконец, напоследок взревев прогоревшим глушителем, фургон уехал, и я смог уделить время своему гостю.

Родители Виктора были моими соседями по этажу с семидесятого года, а в восьмидесятом у них родился сын. Очень поздний сын: ведь матери тогда было хорошо за сорок, а отцу — немного за пятьдесят. Естественно, они не чаяли души в своем чаде. И, что столь же ес-

тественно, ни малейшей пользы это ему не принесло, а скорее наоборот. Нет, мне, конечно, встречались и более не приспособленные к жизни люди, но далеко не каждый день.

Школу Виктор посещал только до пятого класса. А когда после развала Союза в образовании начались какие-то метания с частными гимназиями, домашними обучениями и прочими экстернатами, предки забрали его из школы, и дальнейшая учеба проходила на дому. Виктору повезло, что его родители дожили до получения своим чадом аттестата, потому как иначе жертве домашнего образования светила бы и вовсе не завидная судьба. Кстати, следствием его образования явилось то, что Маслов-младший не служил в армии. Ведь военкомат заводит карточки на основе школьных списков, а там-то его и не было! То есть про него просто никто не вспомнил, и никаких повесток он не получал.

Но парнем он все-таки был довольно способным и ухитрился как-то поступить в Московский педагогический университет, мне более известный под старым именем МОПИ имени Крупской.

Пока он учился, умер его отец, а через год после получения диплома — мать. Она просила меня позаботиться о Викторе, и это явилось одной из причин того, что сегодня он оказался моим гостем. Вторая была в том, что чадо мало того что являлось учителем истории, так еще и знало французский язык. Причем он утверждал, что знает и его старый диалект, на котором разговаривали всякие Генрихи Валуа, Маргариты Анжуйские и прочие Людовики Бурбоны.

Вообще, его коньком была средневековая Франция, а ведь мы и собирались куда-то примерно в конце Средних веков. Ну или чуть в более поздние времена, не столь важно. Правда, на противоположную от Европы сторону земного шара, но лично я вовсе не был уверен, что так и останусь там сидеть до самой смерти. А уж если слова Ильи про омоложение окажутся правдой, то и тем более.

Имелась и третья причина. Одинокий лоховатый парень, живущий в двухкомнатной квартире на площади Гагарина, даже в наши сравнительно спокойные времена относится к группе повышенного риска. Пока я был помоложе и жил в Москве, еще имелась возможность как-то помочь в случае чего, но за последние четыре года она сильно уменьшилась, а с моим исчезновением, понятно, пропадет вовсе.

— Вообще-то мы договаривались на четыре часа, — заметил я своему гостю, — а сейчас уже шесть.

— Я писал завещание, — гордо сообщил мне Витя.

— И про что, если не секрет?

— Про квартиру. В случае моей смерти или исчезновения она должна быть продана, а деньги переданы детскому дому в Подольске. Я оставил его на письменном столе.

М-да, подумалось мне. Тяжелый случай. И ведь парень не подозревает, что никому и в голову не придет не то что выполнять им завещанное, но даже задуматься о таком извращении! Впрочем, и я тоже написал нечто в этом роде от его имени. Если не дать отбоя, то через два дня на «Одноклассниках» появится сообщение якобы от Виктора, где он заявит, что очень опасается за свою жизнь, так как его квартирой заинтересовались нехорошие люди. И даст координаты одного агентства, про которое я знал, что там не брезгают и довольно некрасивыми делами. Правда, конкретно к Витиной квартире они ни сном ни духом, но это все равно. Пусть хоть нервы маленько помотают мерзавцам, и то хлеб. Говорить всего этого Виктору я, понятное дело, не стал. А просто уточнил:

— Значит, ты твердо решил составить мне компанию.

— Конечно, — с энтузиазмом подтвердил Витя. — А вы бы на моем месте отказались? Своими глазами увидеть далекое прошлое — когда у меня еще будет такой шанс?

И не надо мне говорить, что это опасно, я уже все обдумал. Когда мы отправляемся?

— Завтра, в пять утра.

Это время я выбрал потому, что не хотел травмировать соседей зрелищем исчезновения сарая. Хотя в деревне имелось всего шесть жилых домов и кроме меня тут жили две бабки и Юрка-алкаш из райцентра, которого недавно в очередной раз выгнала жена. Еще два жилых дома сейчас были пусты — дачники из Москвы и Ярославля туда еще не приехали.

Правда, потом народ все равно обнаружит, что мой сарай куда-то делся, и я вместе с ним тоже, но тут уж ничего не поделаешь. Скорее всего, они решат, что кто-то польстился на кирпичи и доски, которые я закупил якобы для постройки ондатровой фермы. О том, что доски там очень непростые, а кроме них полно и гораздо более интересных вещей, в деревне не знал никто.

— Ужинать будешь? — поинтересовался я у своего гостя и, получив отрицательный ответ, предложил: — Тогда показывай, что захватил с собой.

Виктор с готовностью расстегнул сумку. С самого верху лежал пакет со сменой белья. Дальше на свет божий был извлечен ноутбук. Все правильно: Виктор читал книжки и знает, что без него в прошлое путешествовать просто неприлично. Впрочем, и я их тоже захватил целых шесть — по основному и по два запасных — мне и Илюхе.

Тем временем из недр сумки появились книги «Самоучитель верховой езды» и «Основы картофелеводства», многофункциональный нож «Свис тул спирит», здоровенный кухонный тесак в криво сшитых из дерматина самодельных ножнах, десяток газовых зажигалок, два баллона с газом к ним, бутылка пепси и два «сникерса». Потом был извлечен пистолет Макарова. Я на мгновение даже подумал, что настоящий, но быстро разглядел — пневматик. Потом Витя достал три коробки баллончиков и пачку шариков к нему, и на этом со-

держание сумки иссякло. Набор, конечно, еще тот, но я ведь сам говорил парню, что беру с собой все необходимое и он может явиться хоть голым.

— Никаких лекарств я не взял, — пояснил Виктор, — потому что вы в них разбираетесь гораздо лучше. Но ведь вы не забыли, что я вам говорил про Европу? Как минимум до конца восемнадцатого века там царила жуткая антисанитария!

— Не волнуйся, у меня какие-то задержки со склерозом, так что я все помню. И презервативов, и бензина в сарае достаточно.

— Э... а при чем тут бензин? — смутился парень.

— Ну как же, приплывем мы в Европу, и тебя, например, возжелает какая-нибудь местная герцогиня. Ты что, собираешься ее прямо так пускать в койку? Даму же придется сначала отмыть, и лучше бензина для этой цели пока ничего не придумано. А если кроме шуток, то у нас с тобой полтора кубометра всяких медикаментов на все случаи жизни.

— Да, так все-таки куда мы, по-вашему, попадем? — решил сменить тему Виктор.

— А я знаю? Точка выброса Барина была в океане где-то в районе Огненной Земли, так что, скорее всего, он обосновался на каком-то из островов архипелага, их много. Вот там мы и окажемся вместе с сараем.

— Неужели вы так давно готовитесь, что заранее построили эту громадину? — поинтересовался парень.

— Да ты что, ему же лет шестьдесят, если не семьдесят. Когда-то в доисторические времена здесь была конюшня. Ну а мне пришлось ее только самую малость подремонтировать. Ладно, пора спать, вставать нам завтра рано.

— Как, вы сможете уснуть в такую ночь?

— Не уверен, но попробовать не помешает.

Как ни странно, я действительно подремал часа четыре. Глянул на часы — пора. Минут за десять оделся и

похромал на веранду. Виктор, судя по всему, так и не ложился.

— Пошли, что ли, — предложил я ему.

Мы вышли из дома и минут через пять были у сарая, где стоял оставленный вчера трицикл.

— Завести сможешь? — поинтересовался я. — У меня что-то правая нога совсем отказала, а левой это неудобно.

— Если покажете как, то конечно.

Я вздохнул, показал, и минут через пять Витины усилия увенчались успехом.

— Так, теперь помощи взобраться... все, спасибо. Проход видишь? Бери Ньютона и иди туда, пока не упруешься в старинную стиральную машину.

Подождав, пока Виктор выполнит инструкцию, я аккуратно заехал носом в сарай, где у входа оставался небольшой пятчок как раз под размер трицикла. Собственно, получившееся свободное место и было причиной моей спешной покупки — зачем тащить в прошлое воздух! Там небось и своего хватает.

Затем я с трудом слез с агрегата и, держась за стены прохода, поковылял в центр сарая. Сзади продолжал тащить движок — выключать я его не стал.

Подойдя к стиральной машине времени, я откинул крышку и включил крайний правый тумблер. Стрелка амперметра бодро поползла вправо. Когда она прочно угнездилась посредине зеленого сектора, я щелкнул вторым. Машина пискнула, что по инструкции означало — она видит маяк в точке финиша. Я вытер со лба холодный пот, подавил непонятно откуда взявшееся желание перекреститься, подмигнул Виктору и рванул на себя третий, самый большой тумблер.

По ушам ударило, словно при не очень далеком разрыве авиабомбы. Фанера под ногами вздрогнула, сверху раздался треск, и нам на головы посыпалась какая-то древесная труха.

— Что это?

Кот на руках у Виктора возмущенно взмякнул и вздыбил шерсть, но желания спрыгнуть на пол пока не проявлял.

— Часть крыши вышла за зону переноса — вот ее и обрезало, — пояснил я. — А вообще-то мы уже там, куда и стремились. Пошли посмотрим, что ли.

Через загораживающий выход трицикл было видно, что снаружи идет мелкий дождик. Впереди просматривалось что-то вроде луга, за ним — холм.

Я взобрался на тархтящий агрегат, причем в этот раз ухитрившись сделать это без посторонней помощи, воткнул заднюю передачу и, выехав из сарая, развернулся. После чего обзрел открывшееся моему взгляду прошлое.

Оно выглядело каким-то блеклым, не очень приветливым и совершенно безлюдным.

ГЛАВА 3

Убедившись, что прямо сейчас никакой торжественной встречи не будет, я слез с трицикла и вернулся в сарай, где обратился к Виктору:

— Щель между ящиками видишь? Да, именно эту. Суй туда руку и тащи, что там лежит.

Вскоре на свет божий был извлечен складной стул, который я тут же разложил и с облегчением на него плюхнулся, термос с горячим чаем и три бутерброда.

— Один — мне, два — тебе, — разделил я их и налил чаю в пластиковый стаканчик. От всех треволнений сегодняшнего утра у меня что-то разыгрался аппетит, который в обычных условиях проявлял себя не раньше полудня, да и то не каждый день.

— М-мяу! — заорал Ньютон, явно охваченный подозрением, что при дележке еды про него забыли.

— Витя, — перевел я парню кошачий вопль, — там дальше должен быть еще просто кусок колбасы, без хлеба. Отрежь примерно треть хвостатому, будь так добр.

Так я просидел почти два часа. Виктор периодически выскакивал наружу, но там все оставалось как было, то есть и дождь не переставал, и люди не появлялись.

Понятно, что стоять и ждать меня Илья не мог — он же не знал точного времени старта. Но о том, что старт будет именно сегодня, я ему просигналил. Где же его носит?

Тут меня осенило — Баринов же не знает, кто такой Виктор, он видел его всего пару раз, да и то ребенком! Вот и думает: что за хмырь сюда явился вместо его старого друга?

Я попытался встать, и с третьей попытки мне это удалось. После чего доковылял до входа, вышел под дождь, помахал рукой и остановился. Если за сараем наблюдают, то вскоре что-то должно произойти. Поскорей бы, а то в моем возрасте прогулки по такой погоде, хоть и в непромокаемой куртке, что-то не радуют.

Но буквально через минуту после моего выхода из-за холма примерно в трехстах метрах впереди появилась фигура. Как-то она мне не очень напоминала моего друга Илью, но на подобный случай у меня был при себе бинокль. Я поднес его к глазам и увидел мощного, почти квадратного мужика. Про рост сказать было трудно, но ширина плеч и объем грудной клетки впечатляли. Лицо такое же, как и фигура, то есть чуть ли не поперек себя шире. И рыжая борода лопатой. А в руке — винтовка. В общем, ничего общего с Илюхой. Э, как бы это не оказалось другим «подобным случаем», на который у меня за пояс был заткнут парабеллум.

Потом я присмотрелся повнимательней. Е-мое, так Илья в молодости и был почти таким! Это он после сорока пяти начал тошкать, так что к девяносто первому году больше напоминал скелет, чем себя прежнего. Точно, это Илья, только поздоровевший до неприличия. Блин, эк его вширь-то разнесло! Он тут что, все двадцать лет подряд занимался исключительно культуризмом?

Илья легкой трусцой бежал ко мне, а за ним следова-

ли еще пять человек. Судя по всему, аборигены, но в серых рубашках, таких же штанах и тоже с ружьями.

Вот уж чего я за собой никогда не подозревал, так это сентиментальности. Однако когда исчезнувший двадцать лет назад на моих глазах друг остановился в шаге от меня, на глаза навернулись слезы, голова закружилась, и я не упал только потому, что Илья меня поддерживал. Вот ведь старость проклятая! Такими темпами еще лет десять — и я начну в голос рыдать над дамскими романами.

— Ну, здравствуй, — тормошил меня Илья, — извини, что заставил так долго ждать. Но ты молодец, что дождался, а здоровье у тебя теперь за пару месяцев придет в идеал, а через полгода и вовсе станешь вроде меня. А это кто такой?

— Помнишь, у меня соседи были, Масловы? Так это их сын. Выразил желание сопровождать меня в этой авантюре.

— Будем знакомы, — мой друг протянул руку подошедшему Виктору, — меня зовут Илья Антонович Баринов. Но чего мы тут мокнем? Пошли в мою резиденцию! С вашим сараем ничего не случится, он уже под охраной.

— Пошли? — усмехнулся я. — Сколько до нее километров? И сколько дней я буду туда ковылять, если не очочурюсь по дороге?

— Километра три, — смутился Илья, — это я недодумал. Тогда подожди, я сейчас скажу, чтобы принесли носилки.

— Друг мой, вы тут совсем одичали в своем незнамо каком мохнатом веке? На всякий случай уточняю, что вон тот красно-черный механизм есть самобеглая коляска системы «трицикл» и она может передвигаться, не будучи запряженной лошадью или еще каким-нибудь животным. Витя, заводи движок. Молодец, вот что значит практика! Илья, вытряхни из кузова все, что там лежит, и полезай туда. Виктор, дай руку и помоги влезть.

Все, спасибо, можешь тоже грузиться в кузов. Уселись? Илья, говори, куда рулить, и поехали.

Трицикл легко катился по мокрой траве на своих широких дутиках, а я старался по возможности прикладывать поменьше усилий для управления им. Если умеешь, это нетрудно. Дело в том, что при виде Ильи меня охватило какое-то иррациональное беспокойство.

Не знаю как другие, а я, дожив до своих лет, давно уже был готов к тому, что мое земное существование может в любой момент прекратиться. Ну помру и помру, причем явно не в отдаленном будущем. Так что теперь — отравлять себе последние дни непрерывными мыслями на эту тему? Но после всего увиденного мне вдруг показалось ужасно обидным отбросить копыта прямо сейчас. Во-первых, это будет невежливо по отношению к хозяину. А во-вторых, только теперь я уверился окончательно, что впереди меня может ждать еще очень солидный кусок активной жизни. И поэтому старался по возможности не напрягаться, не волноваться и так далее.

Резиденция Ильи оказалась двухэтажным домом внутри ограды в виде частотола. Друг помог мне слезть с трицикла и под ручку препроводил в свой, как он выразился, малый кабинет.

— Самому начать рассказывать или ты будешь задавать вопросы? — поинтересовался он, садясь напротив меня.

— Давай я помаленьку начну, а ты потом дорасскажешь остальное. Когда это начнется? — Я потыкал пальцем в его сторону.

— Уже началось. Ты, кстати, повышенного аппетита не чувствуешь? Но пока ешь осторожно. Все-таки ты еще не молод, начнешь лопать все подряд — на понос изойдешь, это я тебе говорю на основании своего опыта. Где-то с месяц придется осторожничать, а потом желудок и прочие кишки придут в норму. Но главное — та

крыса, которую я взял с собой, прожила здесь пять лет. Притом что в момент переноса ей уже было полтора. Так что рассчитывай лет на сто вдобавок к твоим имеющимся, сильно не ошибешься.

— Ох, — мечтательно вздохнул я, — тогда начнем с самого начала. Где мы и когда мы?

— Мы на острове Чатем. У нас тут сейчас утро двенадцатого мая одна тысяча шестьсот девяносто первого года.

В процессе подготовки я довольно внимательно изучил карту Огненной Земли, и что-то мне никакой остров Чатем на память не приходил. Хотя их там много, да и называться он мог в разные времена по-разному.

— Этот остров находится примерно в семистах километрах на восток от Новой Зеландии, — продолжил тем временем Илья.

— Не понял, тут что, какая-то другая география? До противоположной Байкалу точки черт знает сколько!

— География та же самая. Просто в момент моего появления тут имел место шторм. И еще ночь, как будто одного шторма мало. Кстати, спасибо, лодка у тебя получилась отличная. Так вот, ночью мне было не до навигации. А к полудню шторм чуть утих, и я смог определить, что меня гонит на запад. Плыть против ветра на моторе я даже не пытался — и так ясно, что просто зря сожгу бензин. Так что поплыл я, куда ветер дует, тем более что окрестности Австралии я тоже рассматривал как возможное место для жительства. В общем, путешествие заняло без двух дней два месяца, и в конце концов я оказался тут.

— Аборигены скушать не пытались, как Кука?

— Вот с ними мне повезло. Тут живут мориори, беглецы с Новой Зеландии. Там их сильно притесняли и к тому же периодически ели, так что в конце концов они не выдержали и наобум подались в океан. Племя мирное, у них в религии даже было что-то вроде запрета на убийство, но вообще-то шаманы тут особым влиянием не пользовались. В общем, жили они на этом острове

голодно и бедно, потому как, кроме рыбной ловли и собирательства, никаких способов добычи пропитания не знали. Кстати, когда я понял, что мое плавание затягивается, я прямо в море зарядил твой инкубатор и включил его. Пять цыплят дожили до берега.

Ага, припомнил я, действительно, в числе багажа был и небольшой термостат с питанием от аккумуляторов, которые подзаряжались динамкой с винтом, использующим движение лодки. Значит, не обманула меня бабка в Листвянке, сказав, что яйца свежайшие, вот только-только из-под несушки.

— А потом выяснилось, — продолжил Илья, — что у мориори была какая-то легенда насчет того, что, когда все станет совсем плохо, на небесной лодке приплывет посланец богов и поможет. Почему-то они посчитали меня таковым. Хотя лодка действительно, если ты помнишь, была синяя, а паруса с голубыми полосами.

Ну да, подумал я, жить захочешь — так и красный водный велосипед признаешь за небесную лодку, а уж синий ботик с бело-голубыми парусами и подавно. Хотя если так, то чем считается только что появившийся сарай — небесным дворцом? Да и наш с Виктором статус вызывает определенный интерес.

— Вы тоже посланцы богов, как и я, — пояснил Илья, — точнее, одного бога, которого зовут Ио, он там на небе главный. Мы хоть и посланцы, но люди, пусть и немного отличаемся от местных.

— И сколько народу тут сейчас обитает? — поинтересовался я.

— Когда я только появился, их было меньше двух тысяч. А сейчас — чуть больше шести, из них три с половиной тысячи взрослых, то есть которым больше четырнадцати лет. Кстати, почти вся молодежь тут худо-бедно, но говорит по-русски. А некоторые так и вовсе ничего, даже песни поют.

Я не стал спрашивать, какие именно, ибо Илья всю свою сознательную жизнь из песен признавал исключительно частушки.

Вот так и началась наша с Виктором новая жизнь в семнадцатом веке. Квартировали мы пока у Ильи: его дом был достаточно просторным.

Первая неделя запомнилась мне как время черных страданий. Казалось бы, в моем возрасте можно не удивляться тому, что у тебя постоянно что-то болит, но в том-то и дело, что раньше оно болело привычно. А тут вдруг ни с того ни с сего начинало ломить какие-то кости, про наличие которых в своем организме я и не подозревал! Кроме того, постоянно чесалось все тело, и не только снаружи, но иногда даже и изнутри. Наконец, все время просто зверски хотелось жрать. Как-то раз я не выдержал и пошел на поводу у исходящего голодом организма, но кончилось это именно так, как предугадывал Илья. Да уж, как подумаешь, что ему пришлось перенести нечто подобное на уютной лодочке посреди океана...

Впрочем, мне было обещано, что начальная фаза, она же самая болезненная, длится две недели, а потом омоложение пойдет легче.

Поначалу я почти не выходил из дома, общаясь с Ильей, который дорвался до содержимого моего сарая, в основном по рации. Вечерами же я показывал ему тонкости обращения с ноутбуком и рассказывал, что у нас там произошло за двадцать с лишним лет. Впрочем, большого впечатления это на Илью не произвело — та жизнь уже стала для него далеким прошлым.

Теперь же он пребывал в полном восторге, что я взял да и привез ему такую кучу полезнейших вещей. По весу где-то в полтора раза больше, чем он смог двадцать лет назад захватить на своей лодке.

Примерно треть объема сарая занимал набор деталей и материалов для изготовления шхуны «Грумонт-58» — двухмачтового деревянного судна водоизмещением в пятьдесят восемь тонн. Кроме парусов там был предусмотрен еще и камазовский движок. На этой посудине мне вроде бы предстояло путешествовать по миру, потому как в прошлое я отправился вовсе не с целью про-

сидеть остаток жизни на небольшом островке посреди океана.

Кроме набора для постройки корабля, в сарае имелись всевозможные инструменты, четыре дизельных генератора, станки, два десятка тонн всевозможного металлопроката и много чего еще, включая два мотовездехода и мотоделтаплан. В подвале под сараем находилось топливозапасное с двенадцатью тоннами солярки и тремя — бензина. Наличествовал и экологически чистый транспорт, то есть дюжина велосипедов, два из которых были грузовыми трехколесными.

На шестой день своего пребывания в прошлом я отважился прогуляться до берега океана, то есть примерно на полкилометра от дома Ильи, и стал свидетелем интересной сценки, но про это лучше рассказать поподробнее.

Виктор, судя по всему, никаких особо неприятных ощущений, связанных с перестройкой организма, не испытывал, ибо и до путешествия в прошлое был молод и абсолютно здоров. Так что он с первых дней нашего пребывания на острове начал искать свое место в здешней жизни.

Начало вышло строго по поговорке насчет первого блина — парень попытался участвовать в перетаскивании материалов для постройки судна из сарая на верфь, но почти сразу был основательно ушиблен доской. Следующая попытка вышла заметно лучше, хоть и привела к не совсем ожидаемому результату. Маслов решил попробовать себя в рыбной ловле. Вот это я видел своими глазами, однако кульминационный момент все-таки пропустил. Ну скажите мне, как можно перевернуться на катамаране? До сих пор я считал это физически невозможным. А сразу после переворота стало ясно, что заявление Вити о том, будто бы он умеет плавать, лучше рассматривать как гиперболу, то есть художественное преувеличение. Но все закончилось хорошо.

Витя вышел в море на одноместном катамаране,

предназначенном для прибрежного лова и принадлежащем одной местной девушке, и успел отплыть метров на сорок. В момент кораблекрушения хозяйка плавсредства находилась на берегу, а я — тоже неподалеку, так что имелась возможность хорошо рассмотреть все ее действия.

Поначалу она ринулась было к воде, но потом, увидев, что перевернутый катамаран не собирается тонуть, а Виктор вынырнул и крепко в него вцепился, чуть подкорректировала план действий. Не без изящества она выскользнула из своей льняной рубахи, потом из штанов, после чего на ней ничего не осталось. Затем девушка вспрыгнула на торчащий из воды здоровенный валун, пару секунд постояла там в красивой позе, а потом рыбкой нырнула с камня и быстро поплыла к спасаемому.

В общем, хотя после этой истории у него и начала помаленьку налаживаться личная жизнь, в профессиональном плане и вторая попытка найти занятие оказалась малоудачной. Видя такие дела, я решил вмешаться.

— Витя, — прошамкал я своему московскому соседу за очередным обедом. Именно прошамкал, потому как у меня начало выпадать то, что оставалось от старых зубов, а на их месте вроде бы собирались расти новые. Во всяком случае, верхний мост выпал этим утром, а нижний явно собирался последовать его примеру не позднее вечера.

Так вот, я как мог сказал парню:

— Витя, да что же ты постоянно пытаешься заниматься не своим делом? Носильщиков тут и без тебя хватает, а уж рыбаков тем более. Но ведь историк-то ты здесь один-единственный на тысячи километров в любую сторону! И кому, кроме тебя, писать историю здешнего народа? Собери предания, пока они не забылись, систематизируй, обработай, ну и так далее. А то какой же это будет народ без писаной истории? Огрызок племени, и не более того.

Тут я почувствовал — мои предположения насчет

того, что нижний мост протянет до вечера, скорее всего, основаны на совершенно беспочвенном оптимизме. И постарался закончить как можно более кратко:

— Да и с образованием тут не очень — все же держится на Илье Антоновиче, как будто у него мало других дел. Подойди к нему и предложи свою помощь — ты ведь не только историк, но и профессиональный педагог.

ГЛАВА 4

Как и обещал Илья, через две недели мне стало полегче, и я начал принимать более активное участие в здешней жизни. Для начала помог Баринову разобраться с содержимым своего сарая. Начали мы с оружия.

Двадцать лет назад мой друг отправился в прошлое, будучи просто отвратительно вооруженным. Из готовых изделий он вез с собой две мосинских винтовки, причем одну аж девятьсот третьего года выпуска, и три сотни патронов к ним. Дополняли арсенал две двустволки шестнадцатого калибра и одностволка двенадцатого. Кроме того, с войны у него оставался пистолет ТТ, с патронами к которому было совсем плохо. Правда, порох, капсюли и свинец для пуль он смог захватить в достаточных количествах.

В качестве заготовок для производства чего-нибудь стреляющего Илья раздобыл бесшовные трубы из стали 30ХГСА с внутренним диаметром пятнадцать, тридцать и пятьдесят миллиметров и внешним примерно в два раза больше внутреннего. Из них предполагалось при нужде изготовить оружие на месте, что и было сделано. Так что теперь на вооружении островитян состояло пять десятков пятнадцатимиллиметровых кремневых ружей, десятков больших тридцатимиллиметровых и четыре небольших пушки. Причем все это было востребовано, ибо на острове не имелось даже приличного леса, не говоря уж о каких-либо полезных ископаемых. Поэ-

тому за всем приходилось снаряжать экспедиции в Новую Зеландию с ее воинственными аборигенами.

У меня же для подготовки имелось куда больше времени и возможностей, среди которых было и наличие охотничьего билета, да и сарай — он намного вместительней небольшой лодки.

Неудивительно, что вскоре разыгралась сцена, напомнившая мне место в «Таинственном острове», где колонисты с восторгом разбирали содержимое выловленного в океане сундука.

Итак, я сидел на стульчике и объяснял, откуда что тащить, потому как оружие приобреталось мелкими партиями и потом распихивалось по самым неприметным щелям сарая.

Для начала мы извлекли лежащие ближе всего ко входу четыре карабина «Сайга» под промежуточный патрон 7,62. Не успел Илья впасть в расстройство по поводу малого количества боеприпасов к ним, как я показал, где копать, и вскоре около карабинов лежали и шесть цинков. Потом я объяснил, что в предпоследней от входа бочке с соляжкой четыре АКМС и один ПКМ¹ с запасным стволом, но прямо сейчас их извлечь не получится — надо сначала слить топливо и немного просушить бочку от паров. А пока продолжался показ того, что было куплено более или менее легально. То есть Илья узрел три карабина «Тигр-01», ружье «ТОЗ-124» и два «ТОЗ-106».

— И это все? — с некоторым разочарованием поинтересовался Баринов. — Хоть патронов к моему ТТ ты привез?

— А как же, они в ящике с шурупами. Там же и для моего парабеллума. А так — из готовых изделий почти все, остальное полуфабрикаты. Но зато их много. Например, восемьсот вот таких труб.

— Стволы, — догадался Илья, — а что это на них за выточки?

¹ АКМС и ПКМ — автомат и пулемет Калашникова.

— Скажи своим, чтобы вскрыли вон тот ящик с уголками. Да, сверху. Видишь? Хорошо, тащите сюда.

Я развернул промасленную бумагу и извлек из нее свое творение.

— Барабанное ружье моей собственной разработки. Главных требований два. Первое — чтобы оно состояло из деталей, которые нельзя было однозначно идентифицировать как детали оружия, иначе я не смог бы заказать их в таких количествах. Второе — оно должно легко собираться не очень обученной рабсилой при минимуме инструментов. Кроме того, я решил, что с гильзами лучше не связываться, и применил безгильзовый барабан. Смотри, как это работает. Затворный рычаг вверх — барабан расклинивается. Рычаг назад — барабан тоже отъезжает на семь миллиметров, а при дальнейшем движении рычага взводится боевая пружина. Рычаг вперед — в начале этого движения барабан проворачивается на один щелчок, а в конце тоже идет вперед и насаживается на выступ ствола. Рычаг вниз — барабан клинится, и можно стрелять. В правом переднем углу ящика должно быть два заряженных барабана, можешь попробовать.

— А чего-нибудь помощнее?

— Есть трубы подходящих диаметров, можно будет что-нибудь сообразить. Кроме того, я по случаю достал ствол от сорокапятки, три гильзы и даже один целый бронебойный снаряд к ней. Правда, не факт, что он рабочий, но это и не суть. А сорокапятку я собираюсь установить на корабле.

— Правильно, безоружным лучше не плавать. Я бы посоветовал еще и пару гладкоствольных пушек.

— И это тоже будет, но основное оружие моего будущего линкора — вон оно.

Я показал на большие коробки с яркими наклейками и иероглифами в качестве надписей.

— Что там? — изумился Илья.

— Авиамодельные двигатели и аппаратура радиоуправления, причем приемников много, там в глубине

еще пять коробок. Про камикадзе ты слышал? Вот и у меня будет то же самое, только очень маленькое — здешним кораблям большого не нужно. Причем я собираюсь делать модели не только самолетов, но и ракет. На первое время хватит, а там посмотрим.

Потом я посвятил несколько дней экскурсиям по острову — благо ноги уже начали работать получше, примерно как десять лет назад.

Основой местного сельского хозяйства являлось куроводство и огородничество — ведь Илья не зря посвятил довольно много времени подбору семян, клубней и саженцев. Урожаи картошки и капусты удавалось снимать по два раза в год, более теплолюбивых культур — по одному. Кроме того, возделывались рожь и овес, но в основном на корм для кур, и лен. Рядом с резиденцией Ильи произрастал молодой яблоневоый сад.

Как мне объяснил Илья, здешний климат представлял собой вечную осень. Зима, то есть с мая по октябрь, была похожа на российское начало октября. Лето от нее немного отличалось — его можно было сравнить с концом августа в дождливом году. В общем, в смысле климата мне тут совершенно не нравилось. Кроме того, ко времени нашего прыжка в прошлое на острове потихоньку начали наблюдаться первые признаки перенаселения, так что Илья уже и сам пару раз задумывался об освоении Австралии. Появление же нас с Виктором, а главное — под завязку набитого сарая, позволяло перейти к конкретным шагам, первым из которых должна была стать постройка «Груманта-58».

Где-то через месяц с небольшим после прибытия на остров перестройка моего организма наконец дала заметный эффект, причем как-то сразу. Я вдруг заметил, что совершенно перестал уставать при ходьбе. Попробовал пробежаться трусцой — получилось, и без особого труда. Взобрался на холм рядом с резиденцией Барина, с которого открывался неплохой вид, и посчитал

пульс. Всего восемьдесят! Однако это уже действительно жизнь, а не прозябание.

Так что теперь большую часть дня я проводил на верфи, где заканчивались подготовительные работы, и вскоре мы с выделенной для этой цели бригадой самых способных к столярному ремеслу островитян должны были приступить к сборке корпуса.

Однако еще через неделю организм потихоньку стал напоминать мне, что работа работой, но кроме нее должна существовать и личная жизнь. Впрочем, особых трудностей на острове с этим не наблюдалось, потому как женщин было заметно больше, чем мужчин. Илья, например, имел трех жен, причем младшей только-только стукнуло семнадцать, то есть она была даже чуть моложе его старшего сына. Впрочем, первое время я собирался обойтись одной и для экономии времени попросил Илью посоветовать насчет кандидатуры.

— Моя старшая дочь от первой жены про тебя уже спрашивала, — ничуть не удивился он, — могу сказать, что ты не против обратить на нее свое благосклонное внимание.

— Да сколько же ей лет?

— Шестнадцать — по местным меркам она уже вполне взрослая.

— Знаешь, как-то я не готов так сразу и к таким подвигам. Постарше кого-нибудь нет, лет тридцати примерно?

— Ну, сударь, у вас и запросы. Ладно, поищем, хотя здесь тридцатилетние уже считаются почти старухами, некоторые в этом возрасте и внуков имеют. В общем, у тебя-то все как-нибудь образуется, а вот твоего кота жалко.

Действительно, Ньютон уже успел с огромным разочарованием убедиться, что на всем острове нет ни одной кошки. И вообще он здесь является единственным четвероногим, если не считать небольшого количества мелких ящериц.